

Во дворце началась полная неразбериха. Жизнь Фэн Мина стала похожа на абсурд, и он всё никак не мог понять, что происходит. Юноша совершенно чётко понимал, что дворцовый этикет должен соблюдаться, но нисколько не ждал ни от кого уважения или поддержки: прошлый принц был слишком инфантилен, чтобы вызывать уважение, а мнение слуг пока на этот счёт не изменилось. Фэн Мин должен был вести себя, как принц, есть, спать и говорить, как прошлый владелец тела, которое он украл, но обращались с ним совершенно не так, как следовало. Вместо почтения он получал косые взгляды, вместо уважения — тихие перешептывания и сплетни. Его словно принимали за заключённого королевской крови, который пусть и был неприкосновенен, но уже не обладал прежним статусом. Нельзя было приказывать уважать себя — это вызвало бы ещё более страшные насмешки.

Как понял Фэн Мин из рассказа прислуги, прошлый владелец тела был до идиотизма бесполезным неудачником. Он не только не умел себя подобающе вести, но ещё и прожигал свою жизнь в алкоголе и развлечениях, отчего его собственный статус падал с невероятной скоростью, а уважение двора к господину Жуну тем временем росло не по дням, а по часам. Регент имел здесь особое влияние, и Фэн Мин из-за этого чувствовал себя слабаком.

Для того, чтобы так плотно освоиться во дворце, нужно было иметь недюжинный ум, и потому господин Жун, даже при своём вмешательстве в государственные дела и беспредельной жестокости, невольно вызывал у Фэн Мина уважение.

— Бессмыслица какая-то. — Фэн Мин запрокинул голову, сидя в своих покоях, и тяжело вздохнул.

Цю Лань, стоявшая возле Фэн Мина, бросила на него недоуменный взгляд.

— Цю Лань, ты, кажется, говорила, что сегодня должен прийти господин Жун? — бросил на неё взгляд Фэн Мин. В его небольшом дворце совершенно нечем заняться, кроме болтовни с прислугой.

— Слуги... не должны интересоваться о месте пребывания господина регента, — поклонилась Цю Лань. Она была единственной, кто так тепло относился к наследному принцу, который ни у кого никогда не вызывал уважения. Служанка развлекала его беседами, отвечала на его вопросы и была терпелива.

Фэн Мин недовольно фыркнул и покачал головой. Он хорошо понимал, что все слуги, министры и стража уважают и боятся регента, но к будущему правителю относятся, как к надоедливой букашке. Что хорошего в этом Цао Цао, раз о нём говорят с такой любовью? Вероятно, в истории этот человек оставит след жестокого и опасного тирана.

Внезапно Фэн Мин вскочил на ноги и быстрым шагом направился к выходу, как вдруг Цю Лань преградила ему дорогу.

— Ваше Высочество! — возразила она. — Ваше Высочество, куда Вы направляетесь?

— Я сейчас умру от скуки! — яростно ответил наследный принц и, обогнув хрупкую преграду в виде девушки, направился к двери, однако через несколько секунд один из стражи, который охранял входные двери в зал, подхватил его на руки и вернул обратно. Это за последние дни повторилось уже множество раз, когда наследный принц пытался покинуть свой небольшой дворец.

— Приношу свои извинения, Ваше Высочество, но в государство проникло несколько шпионов. Господин Жун приказал не выпускать Вас из дворца в целях Вашей безопасности, — отвечал он будничным голосом. Нисколько он не извинялся. Неужели все вокруг думают, что Фэн Мин настолько глуп, что не сможет распознать в холодной вежливости настоящее равнодушие?

— Я ведь не заключённый! — выл Фэн Мин, однако понимал одно: как бы сильно он ни разгневался, стражник всё равно не выпустил бы его за пределы его маленького домика.

Это продолжалось несколько дней.

Фэн Мин жил в богатом дворце, который пусть и не был слишком большим, но был украшен золотом и выглядел крайне богато. Страна позаботилась о том, чтобы наследный принц жил в достатке, но какой был толк в этом, если он умирал от скуки? Обычно во дворцах древних эпох знатных господ всегда развлекали танцоры, музыканты и циркачи, но не было ни одного человека, который захотел бы посетить наследного принца, который имел весьма дурную славу.

— Отлично! — недовольно воззрился наследный принц на замолчавшую Цю Лань. — Может, хотя бы этот молодой господин Тун придёт?

Господин Тун никак не проявлял себя, за исключением одного лишь случая, когда он ворвался во дворец и набросился на наследного принца. Они вцепились друг в друга, но это не было похоже на обычную перепалку, и Фэн Мин тогда серьёзно испугался за свою сохранность, поскольку никогда не изучал военного искусства. Он мог дать отпор в уличной драке, мог навалить обидчикам, но в противостоянии с опытным воином, который обучался искусству войны, он бы точно оказался проигравшим. Слуги лишь переглядывались, но не вмешивались в их драку, зная, какое имеет влияние во дворце молодой господин Тун. Во всей стране не было никого, кроме регента и молодого господина, кто смел бы посягать на трон, имея неограниченное влияние, и потому слугам приходилось лишь выбрать, кому из этих двух подчиниться.

— Почему Вашему Высочеству не нравится находиться в безопасности, пока за пределами дворца творится такая неразбериха? — спросила Цю Лань чуть уставшим голосом, поставив перед Фэн Мином подносы с пищей. Принц кинул на принесенные блюда колючий взгляд и нахмурил брови.

Фэн Мин предпочел бы каждый день видеть этого бесцеремонного грубого регента, чем умирать от скуки в роскошном дворце. После той негласной битвы, что произошла между ним и господином Жуном, ему пришлось признать свое слабое положение, и этот регент посадил

его во дворец без права покинуть его, однако сам то приходил, то уходил.

Фэн Мин снова тяжело вздохнул, когда вдруг раздалось громогласное:

— Князь-регент Жун!

Как говорится, вспомнишь Цао Цао, вот и...

Однако, несмотря на своё ворчание, Фэн Мин от радости подскочил на ноги, почувствовав, как сердце его затрепетало. Наконец-то нормальный живой человек, а не безличные куклы в виде слуг, которые вечно пытаются удержать его в маленьком дворце!

Регент, перед которым стража раскрыла двери, тут же заметил счастливого Фэн Мина. Глаза его горели, а сам он весь пребывал в таком активном состоянии, что, казалось, сейчас прыгнет ему на шею.

— Ты полон сил, — озвучил свои мысли вслух господин регент и неспешным шагом направился к Фэн Мину, сократив расстояние между ними до одного шага. Затем он посмотрелся по сторонам и озвучил приказ: — Покиньте дворец.

Прислуга тут же засуетилась, и все, включая Цю Лань, покинули помещение, прикрыв за собой двери. В комнате вдруг стало тихо, и Фэн Мин почувствовал себя неловко. Неужели этот регент опять что-то задумал? В прошлый раз ему удалось вытянуть из Фэн Мина его настоящее имя, но что он сможет подложить ему интересного в этот раз?

Регент вновь взглянул на Фэн Мина, и тот неосознанно сделал шаг назад. Восторг его поубавился, и господин Жун заметил это.

— Ваше Высочество, Ваш слуга приветствует Вас, — произнёс регент с глубоким вздохом. Он сделал шаг вперёд, и Фэн Мин отступил, как вдруг рухнул. Его ноги были связаны! Неужели этот мужчина так хорош в военном искусстве, что может незаметно для глаз связать человека? Регент, поняв, что его маленькую шалость раскрыли, подошёл ближе и связал руки беспомощного принца, пока тот был в замешательстве.

— Да как ты посмел быть таким грубым со своим господином?! — злобно рявкнул Фэн Мин, хотя в глубине души и понимал, что это лишь просто способ хотя бы моральной защиты от этого страшного человека. И как он мог желать компании этого человека в моменты отчаянной скуки?

Регент был человеком сильным, и ему не составило труда дважды ударить Фэн Мина, чтобы тот стиснул зубы и замолчал.

— Хах, господин... — произнёс он иронично, поднимая голову Фэн Мина за подбородок и

принявшись рассматривать его лицо.

Когда этот шпион успел пробраться во дворец? Как долго он был у него под боком? После падения в реку поведение наследного принца резко изменилось. А господин Жун теперь не мог забыть того наслаждения, что испытал во время их недавнего поцелуя. Он относился к Фэн Мину с осторожностью, но был озадачен его происхождением. Кто бы назвал ребенка таким необычным интересным именем?

— Фэн Мин... — произнёс господин Жун низким голосом, а после вдруг приказал: — Скажи моё имя.

Имя регента? Фэн Мин испуганно взглянул на мужчину. Да, тот говорил, как его зовут, но в тот момент Фэн Мину было совершенно не до этого, и всё было как в тумане, а затем ещё и этот поцелуй... Его зовут Жун!.. Жун... Как он мог запомнить имя человека, который произнёс его вскользь? Господин Жун мгновенно понял, почему наследный принц промолчал.

— Как? — спросил он, поражённый. — Ты забыл?

В одно мгновение его душу охватил жестокий гнев. Как можно было так скоро забыть его имя? Все, с кем он когда-либо пересекался, навсегда запоминали его имя, а эта мелюзга!...

Жун Тянь. Этого имени боялись во дворце, но страна уважала этого человека за его грамотное правление.

— Взял и забыл, — грубо ответил Фэн Мин, вздернув подбородок. — И что с того?

В тот же миг его заткнули поцелуем. Фэн Мин, не ожидавший подобного поворота, едва не задохнулся от неожиданности, но господин регент, пользуясь силой и положением, не собирался осторожничать с принцем.

Недавний поцелуй заставил в груди мужчины вспыхнуть какое-то неизвестное чувство, отчего все эти дни он не появлялся, желая разобраться в себе. Ему думалось, что его эмоции придут в привычное спокойное состояние, но он совершенно ясно понимал, что ему интересно, как поживает Фэн Мин в своём заточении. Он вернулся, надеясь утолить своё любопытство, но кто знал, что этот принц спровоцирует его на эмоции, словно неопытного юнца? Мужчина почувствовал приятное тепло, идущее из груди и оседающее где-то в нижней части бедер. Напор регента чуть ослаб, и жестокий и грубый поцелуй приобрел некую мягкость, страсть.

Фэн Мин примерно знал, что права наследного принца ущемлялись подобным образом множество раз, но ему казалось, что подобная страсть не должна была входить в понятие «насилие».

Господин Жун развязал Фэн Мина и толкнул его на постель. Его тело было таким красивым, стройным, утончённым — разве мог регент отказать себе в желании вкушать это прекрасное

удовольствие?

— Знаешь, какая сама главная обязанность наследного принца? — спросил господин Жун, стягивая с себя одежду. — Развлекать меня.

После такого страстного горячего поцелуя у Фэн Мина голова шла кругом. Он едва нашёл в себе силы приподняться на постели, чтобы взглянуть на регента, как с губ его сорвался поражённый вздох.

Тело господина регента было сильным, натренированным, и у такого мужчины явно не было недостатка в поклонниках и поклонницах. Он был красив, потрясающе красив в своей мужественности, которую теперь и не сыщешь ни в одной стране. В нём не было ничего утонченного и женского, и он казался настоящим воином, который чтит военное искусство не только песнями, но и регулярными тренировками.

— Что ты делаешь? — На самом деле незачем было спрашивать, ведь и без того были понятны дальнейшие действия господина Жуна. — Фэн Мин с трудом выдавил горькую улыбку: — Ну не помню твоего имени, к чему так волноваться?!

«Кажется говорить господину Жуну о его параметрах, тем самым улучая момент на побег, сегодня не получится».

Снявший одежду Жун-ван, надменно демонстрирующий своё обнажённое тело, шаг за шагом приближался к Фэн Мину. С усмешкой на лице, молодой мужчина словно охотник смотрел на добычу, которой уже некуда было бежать. Импульс в глазах заставил сердце юноши трепетать.

Увидев, что Жун-ван вот-вот его коснётся, Фэн Мин шлёпнул его по руке:

— Стой! Стой!

Больше казалось, что перед самым началом, как правило, всё же стоило немножко поиграть в кошки-мышки, так куда интереснее. Заметив испуг в глазах Фэн Мина, молодой мужчина остановился.

— Что? — смотрел регент.

«Неужели сегодня лишусь девственности? Да ещё и с женщиной?» — Фэн Мин понимал, что полагаться на физическую силу, выступая против господина Жуна, бессмысленно, не говоря уже о малейшем сопротивлении, подвергшись безжалостному натиску со стороны мужчины, завтра он, Фэн Мин, будет ловить на себе насмешливые взгляды практически всех обитателей дворца наследного принца.

«Я являюсь современным человеком, а современные люди должны быть смышләнее и

талантливее древнего поколения. Но, когда такое дело, что же можно придумать?»

Фэн Мин внимательно следил за поведением Жун-вана, дабы избежать внезапной атаки с его стороны, и, заставляя мозг активнее думать, вспоминал до этого прочитанные им сцены состязаний в смекалке и мужестве, вытаскивая из груди пыли все примеры, где слабостью можно было победить сильного противника.

Какую тактику лучше всего применить против желающего оседлать тебя мужчины?

Стоящий в стороне Жун-ван больше не желал ждать. Такой обнажённый и демонстрирующий перед Фэн Мином своё тело, вызывал странные мысли: «лучше уж тоже раздеться и приласкать друг друга».

— Подойди, ведь мы близки, очень близки. — господин Жун сделал шаг вперёд, намереваясь скинуть с тела Фэн Мина слой этой отвратительной одежды.

В тот миг, когда руки коснулись тела, Фэн Мин словно ошпаренный завопил:

— Я придумал! Придумал! — И вопящий юноша обнажил радостный вид, почти пританцовывая от счастья[1].

Даже Жун-ван изумился такому поведению и, остановив движение рук, спросил:

— Придумал что?

— Ничего не говори, ничего не говори! — Какое-то время глупо хихикал Фэн Мин, и, внезапно вспомнив замысел, который господину Жуну знать было необязательно, предал лицу серьёзный вид и строго поглядел на молодого мужчину: — Ты говоришь, что мой долг угождать тебе, так ведь?

— Верно, используя свое тело....

— Нет-нет-нет, использовать тело, дабы угодить тебе, на самом деле, слишком распространено, я воспользуюсь другим способом, идёт?

— Другим способом? — Господин Жун жадно поглядел на Фэн Мина: — Ртом?

— Нет-нет, — ругая в душе молодого мужчину, который с помощью похоти ударял по моральному духу противника, Фэн Мин отозвался: — Ты слышал когда-нибудь о книге «тысяча и одна ночь»[2]?

— Нет.

— Вот и славно. Я тогда принцесса, а ты каждодневно берущий в жены новую девушку, а на второй день убивающий её порочный правитель. Начиная с этого момента я каждый день буду тебе рассказывать сказки и пока я всё не расскажу, ты не посмеешь...

Воодушевлённый Фэн Мин внезапно остановился. Поскольку потерявший уже всякое терпение Жун-ван бросился вперёд, наваливаясь и прижимая юношу всем телом, безжалостно целуя сомкнутые губы «хитрого» феникса.

Примечания:

[1] В оригинале фраза звучит как «руки пляшут, ноги притоптывают» обр. в знач.: прыгать от радости.

[2] «Книга тысячи и одной ночи» — памятник средневековой арабской и персидской литературы, собрание рассказов, обрамлённое историей о персидском царе Шахрияре и его жене по имени Шахерезада.

<http://bllate.org/book/13377/1190032>